

СВОЯ «ФАБРИЧКА»

«Я — за широкую демократию в Большом», — говорит бывший солист оперы Александр Ворошило, кандидатуру которого среди других рассматривают сейчас на пост нового артистического директора

Независимая газета, — 1998, — 10 апр., — с. 15

Ворошило Александр Степанович родился в 1944 г. в пос. Кирово Днепропетровской обл. В 1974 г. окончил Одесскую консерваторию.

С 1975 г. принят в труппу Большого театра. Исполнял ведущие партии в операх Чайковского (Онегин, Елецкий, Роберт), Верди (Яго, Родриго в «Дон Карлосе», Ренато в «Бал-маскараде») и др. Сенсационный успех и популярность ожидали певца после исполнения партии Чичикова в мировой премьеры оперы Щедрина «Мертвые души» (1977 г.).

Лауреат Премии Ленинского комсомола (1978) и Государственной премии РСФСР им. Глинки (1981).

С 1992-го оставил театр и организовал собственное производство колбасных изделий.

Как стало известно «НГ» из высоких правительственных кругов, Александр Ворошило — один из реальных претендентов на пост директора Большого театра, если правительство не захочет в дальнейшем продлить договор с Владимиром Васильевым. Причем не исключено, что в ближайшее время этот вопрос будет решаться в правительственных сферах. Именно поэтому мы попросили г-на Ворошило более подробно ответить на вопросы «НГ».

Большакова, Ведерникова, Лисициана — это была наша школа.

— **Бываете ли вы в Большом театре теперь и что запомнилось вам после посещения родного театра?**

— Я не могу понять, что происходит в театре сейчас. Все время кого-то сокращают, набирают взамен молодежь, которой часто и расти некуда. «Творческие карлики». Я хожу в театр, но не очень часто. Из хороших впечатлений — «Хованщина» с Ростроповичем. Я не буду оценивать достижения Ростроповича, Покровского. Они уже заняли свое место в этой жизни. Но главные партии пели солисты из Мариинского театра. И то, кроме Огновенко, все — незвездного уровня. Большой театр — это лицо России. Что же вы ставите спектакль, если не можете обеспечить его солистами? Я не против приглашенных, весь Запад так работает. Но и те, кого приглашают, должны быть первого класса. Пропал уровень театра, золотой фонд — «Садко», «Снегурочка», «Игрок», «Мертвые души», «Война и мир», спектакли, которые опередили время.

— **Когда, по вашему мнению, начался этот необратимый процесс?**

— Явный перелом начался с войны против Григоровича. Я не отстаиваю Юрия Николаевича. Но Васильев — великий балетный

артист, а Григорович — балетмейстер-постановщик. И в этом мне видится существенная разница. Когда начались перемены в театре, я их поддерживал. В свое время опера пережила нечто подобное, когда из театра ушел Покровский. Он выдающийся режиссер, но нельзя превращать Большой в «театр Покровского» или «театр Григоровича». В свое время мы выступили против существования должности главного режиссера, хотя очень ценили такого выдающегося человека, как Покровский. Но у нас любили говорить, что Покровский — это школа. Но где она, эта школа? Фактически у него нет ни одного ученика того же уровня, он очень ревнивый. Поэтому мне нравились поначалу реформы Васильева, я их внутренне поддерживал, потому что декларировалось очень много. Но кто мог представить, что из этого получится: все ставит сам Васильев, и балеты, и оперы.

В театре была поговорка: чтобы узнать человека, надо съездить с ним на гастроли. А я сейчас понял, что еще надо дать человеку власть, чтобы бы узнать, что он из себя представляет. Поэтому, когда человек приходит и говорит, что он ничего ставить не собирается, а потом только он один и ставит, то это тоже говорит о его человеческих качествах. А может, твое видение не так уж и дорого зрителям, не так уж нужно Большому театру, не так уж интересно?

— **А что необходимо театру в первую очередь?**

— Я за широкую демократию в Большом.

В театре должны быть лучшие дирижеры. Что это за театр, если в нем не работают хотя бы иногда Светланова, Рождественский, Лазарев, Китаенко? Почему они не имеют свои спектакли, почему нет разных режиссеров, балетмейстеров. Пусть приглашат Григоровича на какой-нибудь спектакль. И я за то, чтобы, судьбу будущей постановки решать коллегиально.

— **Сейчас, когда вы имеете свой бизнес, работаете совсем в другой области, вы продолжаете себя считать артистом?**

— Мне об этом говорить очень сложно и больно, ведь мне продолжает сниться Большой театр. Так же, как, я думаю, и многим другим артистам, служившим в Большом. Большой театр — это болезнь. Я занимаюсь сейчас совсем другим делом, но театр сидит во мне. Я всегда буду чувствовать себя артистом. Большой театр остается смыслом моей жизни. Мне очень больно, что звание солиста Большого театра сейчас нивелировано. Раньше оно вызывало огромное уважение.

— **Как стало известно «НГ», с вами беседовал высокий правительственный чин и вам предлагали возглавить Большой театр.**

— Конкретно мне ничего не предлагали, со мной несколько раз беседовали по этому поводу. Я не воспринимал это всерьез: серьезные дела не так решаются. Но это были правительственные чиновники самого высокого ранга. Я не могу вам всего рассказать, ведь я не распоряжаюсь чужими тайнами. Знаете, когда-то я пел во многих кон-

цертах в Кремлевском Дворце съездов. Там часто сталкивался с людьми, занимавшими большие посты. И мой друг Володя Винокур меня спросил: «Ты чего не здороваешься с ними?» А я ему ответил: «Если они сочтут нужным, то поздороваются первыми, а я отведу на приветствие. Чего я буду лезть на глаза, мне это противно». Если тот чиновник, который со мной говорил, сочтет нужным объявить, он это объявит.

— **А если вам предложат возглавить театр, сможете ли вы бросить свой бизнес и взяться за эту неблагодарную работу?**

— В свое время я очень тяжело уходил из театра. На гастролях в Ереване подхватил инфекцию — сильное ОРЗ, которое перешло в воспаление легких. В общем все вылилось в личную драму. Мое состояние стало резко ухудшаться, с каждой простудой становилось только хуже. Моей сильной стороной всегда было «длинное дыхание». В арии Роберта я пел всю кульминационную фразу на одном дыхании. Но болезнь всегда бьет в «десятку». Старался заниматься больше во время болезни и посадил голос окончательно. Мне было трудно не то что петь, просто разговаривать. На меня никто пальцем не показывал, я сам себе сказал: ты больше не можешь. Театр в лице того же Лазарева отнесся ко мне хорошо, Александр Николаевич не разрешал меня трогать. Но искусство — жестокий мир. Я пережил жесточайшую депрессию. Как дальше жить?

Мой бизнес маленький. Я против мнения, что каждый бизнесмен — хапуга, ворушка. Моя «фабричка» выпускает колбасу и сосиски, людям они нравятся. У меня работают 73 человека, они нормально зарабатывают. Я несу перед ними ответственность, они на меня надеются. Благодаря мне они имеют работу, заработок, который всегда выплачивается вовремя. Но Большой театр — очень большой, не в смысле размеров и значимости. Это состояние души и гордость нации. Поэтому, если меня позовут, брошу все и пойду туда работать. Потому что любой нормальный человек на моем месте поступил бы так же. Если я, конечно, буду нужен Большому с моим опытом: художественным и экономическим, деловым, хозяйственным. Я никогда к этому не стремился и, если бы меня не вызывали на разговор, никогда бы об этом не думал.

— **А у вас всегда были способности рачительного хозяйственника?**

— Не знал раньше, что у меня такие способности есть. Но я добиваюсь того, что хочу. Я ужасно захотел стать предпринимателем и стал им. Еще моя профессия в консерватории говорила: «Главное в нем — целеустремленность». Тогда это меня даже задело: что ж, у меня ничего другого хорошего нет. Теперь я понимаю, что она была права. Мне очень хотелось сняться в кино, и я снялся у Меньшова в «Ширли-мырли». Причем я ничего не делал, чтобы подтолкнуть это. Но когда приглашают, я упорно работаю и достигаю поставленной цели.

— **Как вы считаете, человек с какими профессиональными качествами должен возглавлять Большой театр в этот кризисный период?**

— Руководитель Большого театра должен быть больше менеджером. Сегодня нужно иметь определенные способности организовать финансовый процесс и совме-

стить его с нынешними условиями. Большой театр очень нуждается в капитальном ремонте. Иначе мы его потеряем. Нужно иметь больше хозяйственных знаний, умений, способностей, ведь нельзя рассчитывать только на то, что идет от государства.

— **Тем более что этого хватает только на зарплату!**

— А зарплата какая у солистов? Такая зарплата может быть только тогда, когда не любят артистов. А артиста надо любить, он в этом нуждается. Искусство не может без любви, особенно без любви поклонников от президентов до рядового зрителя.

— **А каков ваш хозяйственный опыт?**

— Огромный, я очень много пережил. Когда я делал свою «фабричку», то у нас с партнерами не было денег, чтобы нанять кран. И мы положили доски и на своем горбу таскали кирпичи, раствор. На меня пальцем показывали: «Смотри! Это народный артист Ворошило». И когда я свою первую продукцию развозил на собственной машине по магазинам, было то же самое. Я не делал из себя страдальца, все это уже давно позади. У меня все же счастливая судьба. Я знаю, что такое быть хозяином, я знаю, как приумножить капитал, ведь за все эти годы я расту и расширяюсь. И объемы, и оборот капитала, и строимся мы постоянно. Я хочу двигаться вперед.

— **А вы не боитесь, что злые языки скажут: «Теперь колбасник Большой театр возглавляет»?**

— Кому-то было бы приятно, если бы я был нищим и страдал. Для меня в свое время это была большая проблема. Даже своим самым верным друзьям — Магомаеву, Дурову, Карцеву — я долго не решался рассказать о новой работе. Ведь у нас всегда считали пролетариат самым прогрессивным классом. И мама моя (она была простая женщина, даже писать не умела) говорила: «Сынок, учись, а не то работать пойдешь!» Как всегда, жизнь расхлудилась со словами. А тут еще — колбасник. У нас это слово только в уничижительном смысле воспринимается. Но друзья меня поддержали. Зиновий Ефимович Гердт был у меня дней за двадцать до смерти, он не мог подняться на второй этаж. И рабочие его на руках понесли...

Сегодня я уже отношусь по-другому к своей работе. Любой творческий труд — почетен. Сколько в Большом было простых ремесленников, которые не соответствовали уровню Большого?

— **Как бы вы сформулировали принципы художественного руководства Большим театром на нынешнем этапе?**

— При очень строгом, требовательном подходе широчайшая демократизация творческого процесса. В театре должны присутствовать все лучшие художники страны. Эти люди не обязательно должны работать постоянно, но время от времени — это обязательно. Если у вас есть идея, проект, то вы можете вынести их на худсовет. Но в него должны входить только художники высочайшего класса. Тогда они смогут понять любую новую идею. Никакого единовластного правления. Тогда и худсовет сможет отказать директору, если его идеи не слишком интересны.